

<p>Проблема 4 — исключение конкуренции видов освобождения от уголовной ответственности путем введения в ст. 75 УК РФ (возможно, что и в ст. 76 УК РФ) условия в виде уплаты уголовно-правовой компенсации</p>	<p>Ч. 1 ст. 88 УК Республики Беларусь: «Лицо... может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем, и внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию...»</p>
---	---

Рисунок 1 — Окончание

Заключение. В качестве одного из путей решения ряда выявленных российских проблем может быть предложено заимствование белорусского опыта. Полагаем, что использование в качестве образца для заимствования положений п. 16 ст. 4, ст. 82 и 88 УК Республики Беларусь 1999 года способно дать результаты (рисунок 1).

Список источников

1. Кострова, М. Б. Экономическое направление реформирования российского уголовного и уголовно-процессуального права / М. Б. Кострова // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса : сб. материалов Всерос. заоч. науч.-практ. конф. с международным участием (Уфа, Институт права БашГУ, 17—18 апреля 2014 г.). — Уфа : РИЦ БашГУ, 2014. — С. 140—155.
2. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] // Паспорт проекта Федерального закона № 953398-6. — 2017. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=139626#0>. — Дата доступа: 10.01.2017.

УДК 343.01

Ю. А. Пономаренко,

кандидат юридических наук, доцент

Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого, Харьков, Украина

ПРОБЛЕМЫ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И УКРАИНЫ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Введение. Уголовное право как отрасль национального публичного права обладает довольно ограниченным кругом средств правового регулирования общественных отношений. Главенствующими из них являются признание определённых деяний преступлениями и установление за их совершение уголовной ответственности. С учётом этого уголовно-правовая политика любого государства имеет несколько основных направлений: криминализация деяний, которые государство считает опасными для себя, общества или отдельно взятого индивида; декриминализация деяний, которые государство перестало считать таковыми; установление уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера за совершение криминализованных деяний; установление оснований и порядка применения или неприменения таковых мер.

Такое направление уголовно-правовой политики, как установление в законе уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера именуется пенализацией в широком значении данного понятия. Кроме того, понятие «пенализация» употребляется также и в узком значении: для обозначения процесса и результата установления в уголовном законе только лишь главного элемента уголовной ответственности — наказания. Однако именно в узком значении пенализация чаще всего и привлекает к себе внимание учёных и практиков, поскольку изобилует в действующем законодательстве немалым количеством проблем.

Основная часть. Внимание на эти проблемы обращалось в литературе не единожды, причем как в старой, так и в современной литературе. Вместе с тем законодатель с упорством, достойным более благородного применения, продолжает такие проблемы плодить. Современное состояние уголовного законодательства Украины даёт основание для выделения, по крайней мере, семи наиболее актуальных проблем пенализации:

1) системная рассогласованность санкций в целом по всему кодексу. Известно, что главным правилом (принципом) пенализации является требование о соответствии степени суровости установленного в санкции наказания с уровнем общественной опасности описанного в гипотезе преступления. Из этого правила истекает требование о том, чтобы более общественно опасные преступления облагались более суровыми санкциями, а примерно равные по степени общественной опасности — примерно равными по суровости санкциями. Вместе с тем в УК Украины грабёж дорогого имущества (ч. 5 ст. 186) наказывается более строго, чем

изнасилование несовершеннолетней (ч. 3 ст. 185); поджог имущества журналиста (ч. 2 ст. 347¹) — почти так же, как и умышленное убийство (ч. 1 ст. 115). И это далеко не единичные примеры;

2) допущение предельно широкой альтернативы в степени суровости наказаний, установленных в одной и той же санкции. В УК Украины содержится целый ряд санкций, которые допускают, например, назначение в альтернативе либо штрафа в сумме 510 грн. (наиболее мягкое наказание в системе), либо лишения свободы на срок до трёх лет (ч. 2 ст. 298, ч. 1 ст. 312, ч. 2 ст. 357 и др.). В подобных случаях законодатель либо не может точно определить степень общественной опасности соответствующего деяния, либо же пытается охватить в одном уголовно-правовом предписании несколько хоть и сходных деяний, но в разы отличающихся между собой по степени общественной опасности;

3) введение в одну и ту же санкцию основных наказаний, которые не могут составлять альтернативу друг другу, либо основных и дополнительных наказаний, которые не могут сопрягаться одно с другим. Например, в ч. 3 ст. 321¹ УК Украины в альтернативе друг другу предусмотрены лишение свободы на срок от восьми до десяти лет и пожизненное лишение свободы. В то же время пожизненное лишение свободы может быть назначено судом лишь тогда, когда он не считает возможным назначить лишение свободы на определенный срок (ч. 1 ст. 64), что обязывает законодателя устанавливать это наказание в альтернативе лишь с максимальным сроком лишения свободы. В некоторых санкциях установлено основное наказание в виде штрафа с дополнительным в виде конфискации имущества (ч. 3 ст. 212 и др.), что не только нарушает требование о соотносимости степени суровости основного и дополнительного наказания, но и подрывает саму идею диверсификации карательного и исправленного воздействия таких наказаний;

4) создание санкций, которые в отдельных случаях не могут быть практически применены к отдельным категориям лиц вследствие установленных в статьях Общей части ограничений. Например, неосторожное тяжкое или средней тяжести телесное повреждение наказывается общественными работами или исправительными работами, или ограничением свободы (ст. 128). Однако ни один из этих видов наказания нельзя назначить беременной женщине либо инвалиду I или II групп. Таким образом, в случае совершения указанными лицами такого преступления оно для них фактически является ненаказуемым;

5) отсутствие единообразия во влиянии на наказуемость отдельных квалифицирующих обстоятельств совершения преступления. Например, совершение повторно изнасилования увеличивает наказание практически вдвое: впервые совершённое такое деяние наказывается лишением свободы на срок от трёх до пяти лет, повторно — от пяти до десяти лет (ч. 1 и 2 ст. 152). В то же время повторное совершение однородного с ним насильственного удовлетворения половой страсти неестественным способом увеличивает наказуемость менее чем наполовину: с лишения свободы на срок до пяти лет до лишения свободы на срок от трёх до семи лет (ч. 1 и 2 ст. 153). Складывается впечатление, что законодателю так и не удалось установить, на (во) сколько же повторно увеличивает общественную опасность деяния;

6) несоответствие целого ряда санкций Особенной части требованиям статей Общей части УК Украины. И такое несоответствие имеет несколько разных форм проявления. Так, иногда законодатель в санкциях располагает альтернативные основные наказания с нарушением установленного в ст. 51 порядка возрастания их суровости. Например, в ч. 2 ст. 351 лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью установлено как более суровое наказание, чем ограничение свободы, хотя на самом деле это наоборот. В ряде случаев наказания в Особенной части устанавливаются с нарушением минимального и максимального размеров, определённых в Общей части. Например, в ч. 1 ст. 213 предусмотрено ограничение свободы на срок до 1 года, тогда как этот срок является для данного наказания минимальным; в ч. 4 ст. 220¹, ст. 220², ч. 1 ст. 365² установлено дополнительное наказание в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до десяти лет, хотя его максимум в данных случаях не мог превышать трёх лет. В той же ч. 4 ст. 220¹ данное наказание ещё и названо вопреки положениям Общей части не «лишением...», а «ограничением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью»;

7) частое нарушение правил законодательной техники при конструировании санкций. Известно, что текст закона всегда, а особенно в тех случаях, когда речь идёт о возможности ограничений в реализации прав или свобод человека, должен быть чётким, доступным для восприятия всеми, кому он адресован, однозначно толкуемым без допущения малейшей возможности его различных трактовок и т. д. Вместе с тем в санкциях статей Особенной части содержится несколько текстуальных «логических задач», которые не всегда однозначно решаются. Так, наш законодатель при установлении сроков альтернативных наказаний любит употреблять словосочетание «на тот же срок», не задумываясь над тем, что «тот же срок» для разных наказаний разный. Например, в ч. 1 ст. 389 установлено наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет или ограничения свободы на тот же срок. Хотя минимальный срок для исправительных работ — 6 месяцев, а для ограничения свободы — 1 год. Интересную задачу задал законодатель судьям в альтернативных кумулятивных санкциях, в одних случаях поставив перед дополнительным наказанием запятую, в других — не поставив её. Вопреки мнению лингвистов суды пошли по пути такого толкования: там, где запятая есть, дополнительное наказание может быть присоединено к любому из предусмотренных в санкции основных наказаний, там же, где её нет, — только к наиболее строгому из них.

Заключение. Представляется, что причины описанных проблем кроются в нескольких факторах. Прежде всего, это отсутствие единой государственной программы реализации уголовно-правовой политики, в том числе на законодательном уровне. В результате законодательство в сфере уголовного права превраща-

ется в некий набор рассогласованных, не подчиняющихся единой логике и единой цели действий различных политических сил, приводящих к описанным последствиям. Кроме того, это стремление многих политических сил решать социальные, экономические и другие проблемы общества путём валлообразных изменений в уголовном законе, неконтролируемое внесение которых негативно сказывается и на пенализации преступлений. Наконец, следует обратить внимание на отсутствие должной коммуникации между законодателем и научным сообществом, в результате чего многие изменения уголовного кодекса проходят без надлежащей научной экспертизы, а зачастую и вопреки ей. В устранении этих факторов состоит главенствующий путь преодоления описанных проблем пенализации преступлений.

Считаем необходимым остановиться на несоответствии названия и содержания данного доклада: вопреки заявленному изучению соответствующих проблем по законодательству Республики Беларусь и Украины мы умышленно ограничились только законодательством своей страны, тем самым приглашая белорусских коллег к дискуссии о том, свойственны ли такие проблемы их уголовному законодательству, в чём они видят их причины, какими им представляются пути преодоления таких проблем?

УДК 343.61

О. Ю. Прокуда,

магистр юридических наук

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ЗАРАЖЕНИЯ ВИРУСОМ ИММУНОДЕФИЦИТА ЧЕЛОВЕКА

Введение. Несмотря на то, что ежегодно в Беларуси регистрируется свыше тысячи случаев ВИЧ-инфекции, в структуре преступности данные о привлечении к ответственности за поставление другого лица в опасность заражения либо заражение ВИЧ (ст. 157 УК Республики Беларусь) [1] практически отсутствуют. Указанное, на наш взгляд, обуславливается не только высоким уровнем латентности исследуемого преступления, но также несовершенством уголовно-правовой регламентации и проблемами практического применения рассматриваемой нормы.

Основная часть. В научной литературе высказываются различные точки зрения относительно определения объекта исследуемого общественно опасного деяния. Так, одни авторы утверждают, что объектом заражения ВИЧ являются общественные отношения, охраняющие здоровье человека [2, с. 59]. Косвенно данную позицию поддерживает законодатель, который расположил ст. 157 УК Республики Беларусь среди преступлений против здоровья. Другие авторы исходят из того, что объектом заражения ВИЧ необходимо признавать общественные отношения, обеспечивающие защиту как здоровья, так и жизни человека [3, с. 342].

Характерной чертой ВИЧ-инфекции является непосредственная угроза жизни, а не только здоровью. В связи с этим более обоснованной является точка зрения, согласно которой в объект преступления заражение ВИЧ включаются общественные отношения по поводу жизни и здоровья.

По своему содержанию объект заражения ВИЧ (ч. 2 и ч. 3 ст. 157 УК Республики Беларусь) не совпадает с объектом поставления в опасность заражения ВИЧ (ч. 1 ст. 157). Представляется, что при поставлении в опасность заражения ВИЧ вред причиняется общественным отношениям, обеспечивающим охрану здоровья. Фактически при совершении действий, создающих угрозу заражения ВИЧ, когда само инфицирование не наступает, не создается угроза жизни потерпевшего.

Потерпевшим от заражения ВИЧ может быть любое лицо. При этом не имеет значения пол потерпевшего, его взаимоотношения с виновным лицом и иные характеристики. Законодатель дифференцирует ответственность в зависимости от возраста потерпевшего: заражение ВИЧ заведомо несовершеннолетнего является квалифицирующим признаком (ч. 3 ст. 157 УК Республики Беларусь).

Проблема потерпевшего в рассматриваемом преступлении имеет не только теоретический характер, но и практическое воплощение в некоторых проблемах квалификации. Так, не урегулирован вопрос уголовно-правовой оценки деяний лица в отношении потерпевшего, уже зараженного ВИЧ-инфекцией. Представляется, что существенным моментом здесь является осознание виновным лицом факта инфицирования потерпевшего. В уголовно-правовой литературе данной проблеме не уделяется достаточного внимания. По мнению С. С. Власенко, если лицо осознает, что потерпевший является ВИЧ-инфицированным, то уголовная ответственность не должна наступать. Если же виновное лицо считает, что заражает здорового человека, ответственность должна наступать за неоконченное преступление — за покушение на заражение ВИЧ [4, с. 63].

Также является дискуссионным вопрос о возможности ухудшения состояния здоровья уже ВИЧ-инфицированного лица при контакте с другим инфицированным лицом. Во многом данные проблемы носят медицинский характер, тем не менее отсутствие правил уголовно-правовой регламентации таких ситуаций является пробелом в правовом регулировании уголовной ответственности за заражение ВИЧ. В рассматри-